

РОВЕНА
БЕРГМАН

ЭКСПЕРИМЕНТ

INSPIRIA

Москва

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б48

В оформлении использованы фотографии *Веры Приймак*

Бергман, Ровена.

Б48 Эксперимент / Ровена Бергман. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-184192-8

Семейная пара Джека и Эстер переживает кризис. Именно в этот момент в их жизнь врывается взбалмошный Джонни — полная противоположность мужа Эстер, холодного и расчетливого.

Случайность, обернувшаяся трагедией, ставит героиню перед выбором. Эстер придется решить, что ей ближе — спокойная и стабильная жизнь с мужем или яркая, но совершенно непредсказуемая с Джонни? Эстер кажется, что она делает выбор, но она ли его делает на самом деле?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184192-8

© Бергман Р., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

Профессор психологии Карл Уотсон обреченно склонил голову над столом, погружившись в размышления. До него долетали фрагменты фраз коллег, собравшихся здесь, в его кабинете, по совершенно исключительному случаю. Карл лениво отнял руки от одутловатых щек, которые придерживал, и огляделся по сторонам. Тяжелая голова, потеряв поддержку, стала клониться к столу, выставляя своего хозяина в дурном свете перед собранием образованнейших людей, но Карл сделал над собой усилие и ничем не выдал слабости. Он мельком оглядел предметы на круглом столе: ничего примечательного — папки, бутылки с водой, кофе. Потом попытался вникнуть в суть поставленного вопроса. Альфред Фестингер, молодой ученый, так упорно пытался отстоять позицию профессора, что Уотсон сразу же перестал слушать и снова ушел в себя.

Карл задумался над гуманностью эксперимента, который сам же предложил несколько месяцев назад. Он представил на суд идею, абсолютно уверенный, что к ней не отнесутся серьезно. Тогда Карл превзошел себя. С виду робкий, неказистый и осмотрительный профессор нетерпеливо барабанил пальцами, когда лаконично и убедительно излагал свою идею. Глаза Карла поблескивали, а язык транслировал в мир все мысли, которые профессор до этого момента сознательно скрывал. Когда Карл закончил говорить, Эрик Берн и Джордж Бергсон, его молчаливые слушатели, лишь недоуменно переглянулись. Идея профессора показалась им невыполнимой, в некотором смысле глупой и даже преступной. Но потом какая-то неведомая сила вынесла фантастический эксперимент профессора в свет, и теперь Карл

Ровена Бергман

вынужденно принимал на себя роль руководителя научной работы. Он с обреченным видом сидел за столом среди враждебно настроенных коллег и не знал, куда деваться от суеты и осуждающих взглядов.

— Вы не понимаете! Этот эксперимент положит конец всем теоретическим вопросам, на которые у науки до сих пор не было ответа и, возможно, в ближайшем будущем и не будет! — страстно произнес профессор Фестингер, завершая монолог.

— Уважаемый Альфред, вы хоть понимаете, что этот эксперимент ставит под угрозу психику испытуемых? — дрожащим, взволнованным голосом ответил доктор Берн, поправляя очки-половинки на длинном горбатом носу.

Эрик явно осознавал, что наступил переломный момент в споре, от которого будет зависеть жизнь по крайней мере ста испытуемых. Он чувствовал, насколько важны сейчас его убедительность и уверенность, но, как и каждый слишком заинтересованный в каком-нибудь вопросе человек, Эрик Берн не мог сдерживать эмоций, они захлестывали ученого с головой.

— Люди и так сидят на антидепрессантах. Каждый пятый в мире страдает расстройством психики, и каждый десятый хоть раз обращался за помощью к специалистам, — парировал Джордж, заведомо приняв сторону растерянного профессора Уотсона.

Джордж ради науки был готов пожертвовать не только испытуемыми, но даже собой. И не только собой, но и своей семьей: женой и двумя прекрасными детьми, росшими по большей части без внимания отца.

— Подумаешь, сто испытуемых, — продолжил профессор Бергсон. — Что это в сравнении с тем, что мы получим в итоге? Пыль. В конце концов, как сказал Пальмиро Тольятти: «Всякий, кто гибнет за идею, гибнет не напрасно». Наш эксперимент не предполагает серьезных последствий. По крайней мере, для общества в целом.

Карл сосредоточился и серьезно оглядел всех присутствующих. Два лагеря ученых — те, кто был на его стороне, и его противники — не понимали одной простой вещи: идея может быть благовидной в теории и разрушительной на практике и, напротив, — в теории рискованной, а на практике превосходной.

— Например, чтобы сохранить вид животных, люди готовы пожертвовать одной особью или даже сотней. Нам всем известны случаи, когда ради великой цели умирали люди: строительство Великой Китайской стены, Панамский канал, Бруклинский мост, Дамба Уэллса. Что люди представляют из себя в масштабе эволюции? — повысив голос, спросил Джордж. — Ничего. Мы все являемся расходным материалом на пути к прогрессу человечества. Тысячи примеров жестокости на этой планете, но вы зацепились за гуманность именно этого эксперимента? Почему? — попытался Джордж.

В кабинете повисла удушающая тишина. Такая, при которой хочется открыть окно и проветрить помещение. От комментария коллеги многим ученым стало не по себе. Некоторые испытывали стыд за то, что по большому счету могли бы согласиться с Джорджем — согласиться не на сомнительные эксперименты, а с тем, что люди в основной массе жестокие существа — страшнее любого катаклизма, страшнее дикого зверя, страшнее болезни. Люди, прикрываясь высокой целью, могут совершать ужасающие вещи — они стремятся к наживе не из желания выжить как вид, а из жажды поглотить как можно больше. Оголить плодородную землю, отравить воды, умертвить все живое вокруг ради личного блага.

— Вот вы говорите об эволюции, — сказал профессор Берн, обращая снисходительный взгляд на предыдущего оратора. — Тогда почему эволюция не равно жизнь? Почему мы вспоминаем об эволюции, когда нам это удобно, а не когда один человек, управляющий корпорацией, убивает все живое вокруг? Почему такие люди не вспоминают, что они также являются лишь инструментом в борьбе за жизнь на Земле? Для вас, уважаемый

Ровена Бергман

Джордж, эволюцию составляют камни и скелеты, замурованные в цементе? Что в масштабах эволюции значат ваши постройки? А жизнь вымерших видов? Балийских тигров, например? Это, по-вашему, менее значительная вещь, чем стена?

Джордж фыркнул и раздраженно покачал головой. У него сложилось впечатление, что никто из присутствующих не понял направления его мысли.

— Я не об этом хотел сказать, — нервно заметил Джордж. — Вы зацепились за стену, как за спасательный круг. На мой взгляд, эволюцию составляет все, что естественным образом происходит на Земле. И вымирание видов, и загрязнение вод, и даже наш эксперимент. Это может происходить и потому происходит. Наша задача — наблюдать. Быть участниками высшего глобального замысла и в конечном счете свидетелями разрушения.

Карла Уотсона поразило, насколько правдоподобно и убедительно может звучать оправдание, подкрепленное долей здорового скептицизма и уверенности. Но придумывать оправдание лично для себя профессор не стал. К сожалению, его эксперимент мог нести разрушительные последствия, и он, профессор Уотсон, осознавал, что является единственным виновником роковой затеи.

В то же время, пока ученые вершили судьбы героев, с которыми вы сейчас познакомитесь, дорогой читатель, на улице Рита-стрит, в небольшом жилом комплексе, в квартире сто двадцать восемь снова разгорался скандал.

— В конце концов, ты начнешь собираться или нет? — спросила Эстер, подойдя к их с Джеком кровати вплотную. В ее голосе слышались раздражение и нетерпение.

Джек нехотя поднял глаза от монитора ноутбука и устало спросил:

— К чему такая спешка? Мы уезжаем через неделю.

— Когда ты хочешь все успеть? Завтра мы должны ехать к твоей сестре, послезавтра ты работаешь. У нас не будет времени на сборы.

Джек хотел притянуть Эстер за руку, но она, предвидя его желание, быстро отпрянула.

— Полежи со мной немного, — попросил Джек, но Эстер смерила его строгим взглядом и вышла из комнаты, хлопнув дверью чуть громче обычного.

Эстер до сих пор была раздражена тем, что Джек бросил ее в одиночестве и уехал с друзьями на горнолыжный курорт. Тогда он просто собрал вещи, поставив Эстер перед фактом о невозможности перенести поездку. С друзьями он договорился намного раньше, чем женился, и поэтому будет не по-мужски отказываться от путешествия сейчас. А бросить жену, месяц пролежавшую в депрессии, показалось Джеку вполне приемлемым. Тем обиднее для Эстер прозвучало его нелепое оправдание. На ее взгляд, конечно, нелепое, ведь это Джек являлся виновником ее глубокого уныния, из-за которого у Эстер иногда не хватало сил подняться с кровати, приготовить ужин или бросить грязное белье в стиральную машину.

Эстер принадлежала к тому типу людей, которым требовалось постоянное движение. Когда Джек привез ее в свой маленький курортный город на берегу океана с населением в пять тысяч человек, в первое время девушку забавляла незатейливая жизнь, ограниченная житейскими сплетнями, — в городке почти ничего не происходило. Но спустя три летних месяца, когда место было досконально изучено, а половина приличных ресторанов закрылась на зиму за неимением туристов, Эстер поняла, во что ей выльется замужество.

Больше Эстер не радовали ни великолепные рассветы над океаном, ни уютные антикварные магазинчики со старой мебелью, которые прежде навевали ей романтические мысли, ни даже фруктовые сады рядом с домом.

Тогда ее и поглотила депрессия, которая усугублялась тем, что их квартира, маленькая и темная, угнетала Эстер днем и ночью. Когда Эстер спала, косой потолок норовил сдавить ей грудь, мебель, казалось, вытесняла ее из спальни, а маленькое

Ровена Бергман

окно, расположенное на крыше, почти всегда было закрыто и пропускало лишь небольшую полоску неба. Это стало причиной ее постоянных бессонниц. В крошечном зале, в котором, помимо телевизора и дивана, плотно прижавшись к ним обоим, стоял обеденный стол, Эстер могла сделать только семь шагов вдоль комнаты и пять поперек. Она узнала об этом факте не случайно — когда она нервничала, то принималась расхаживать из угла в угол, чтобы абстрагироваться от проблем и привести мысли в порядок. Но в порядок в тесноте не могли прийти не только мысли, но и вещи, постоянно разбросанные тут и там, как олицетворение беспокойства, царящего в ее душе.

Ее муж, Джек, мало понимал и тревожился о страхах, волнующих жену. Он искренне полагал, что твердый характер — неотъемлемая часть целостной личности, и трудности, особенно такие мелкие и незначительные, как у Эстер, не могут, а главное, не должны вызывать не то что депрессии, но даже малейшего беспокойства. Джек был человеком терпеливым, целеустремленным, а главное — обладающим завидной выдержкой. Он судил об Эстер не то чтобы строго, но так, как мог бы оценивать самого себя.

«Чего ей не хватает? — размышлял Джек про себя, сидя на веранде. — Деньги есть, родители, муж — все рядом. Может быть, Эстер слишком мнительная и ищет проблемы на ровном месте?»

О чем Эстер тревожилась, Джек в точности не догадывался, но иногда делал попытки это выяснить. Например, Джек время от времени спрашивал у Эстер, чего ей по-настоящему не хватает для радости, но, получив ответ, раздражался и отмахивался от нее: «Ничто извне не сделает тебя счастливой. Ты должна найти причины для счастья в себе».

Так они прожили целый год. Эстер в душевных мучениях, а Джек в смутных сомнениях, которые на работе теряли всякий смысл.

Эстер стояла у раковины и ручную мыла посуду. Посудомоечная машина сломалась на прошлой неделе, а у Джека до сих пор не нашлось времени ее осмотреть.

Джек остался лежать в кровати, так и не извинившись, и Эстер хранила молчание, чтобы отстоять свою позицию. Она терла тарелку, полностью погруженная в свои раздумья. Неужели ее муж — бесчувственный человек?

Где-то в глубине души Эстер давно подозревала это, но старательно избегала внутреннего диалога с собой и даже преуспевала в этом, правда, до первого скандала. В ссорах она воскрешала в памяти запечатлевшиеся воспоминания: то, как Джек не позволил ей подобрать с бензоколонки больную кошку, то, как не поехал утешать родную сестру, когда ее в очередной раз бросил парень, и его нежелание везти Эстер в больницу, когда ей показалось, что она заболела. Эстер осеклась. Достаточно ли веские причины она перечислила, чтобы объявить Джека бесчувственным?

Тарелка выскользнула из рук Эстер и со звоном стукнулась о дно раковины. Она вздрогнула от неожиданности и бегло ее осмотрела. Сколов нет.

На смену раздумьям о бесчувственности мужа в голову Эстер закралась не менее неприятная мысль — предстоящая поездка к Розе, единственной сестре Джека. Ее Эстер могла переносить только в непоколебимом состоянии.

Чтобы не реагировать на непрекращающиеся выпады и грубость Розы, требовалось терпение, которого Эстер за собой, по правде говоря, не наблюдала никогда. Даже будучи в силах выдержать ехидство Розы, совершая при этом невероятное усилие над собой, — Эстер с трудом воздерживалась от ответных комментариев. Она знала наверняка, что это неминуемо приведет к скандалу, вопрос лишь — насколько скоро.

Дверь позади Эстер распахнулась — Джек решил нарушить молчаливое противостояние и поднять белый флаг.

Он подошел к жене и нежно приобнял за талию. Хвост на голове Эстер рассыпался, и теперь мелкие кудряшки щекотали

Ровена Бергман

его нос, касались щек и лезли в рот. Джек улыбнулся и игриво нахмурился.

— Ты все еще злишься? — настороженно спросил он.

Эстер, не выпуская из рук последнюю вымытую чашку, повернулась к Джеку и изучающе на него посмотрела.

— Я не обижена на тебя, — холодно сказала она, не найдя ничего лучшего для ответа.

Эстер следовало заранее обдумать вариант подобного исхода, но она непредусмотрительно решила, что сердце подскажет ей верные слова, когда наступит время расставить точки над «I». Ее ответ был настолько банальным, что Эстер стало неловко и смешно. Она подавила смешок и постаралась снова стать серьезной и неприступной.

— Я хотела сказать не это. Да, я очень расстроена. Тебе совершенно наплевать на мои чувства.

Джек сделал глубокий вдох и приготовился к неизбежному. Все, что сейчас скажет Эстер, Джек знал от начала и до конца. И про то, что он не заботится о ее душевном спокойствии, и о том, что ему дороги все, кроме жены, и про семью, которую Джек для чего-то завел, но все еще продолжает жить как одинокий холостяк, не считаясь с близкими, — он слышал это раз пятнадцать, может, двадцать. Благо все ответы Джека были тривиальны и заучены наизусть. Они звучали беспроблемно и всегда били в цель, поэтому Джек был непоколебим, как человек, превосходящий в твердости убеждений своего оппонента. Но на этот раз Эстер все же смогла его удивить.

— Может, нам нужно разойтись? — совершенно спокойным голосом спросила она.

В воздухе повисло молчание, сравнимое с затишьем перед летним штормом. Джек не поверил своим ушам. Он готов был услышать оскорбления, нравоучения, слезливые монологи, но не это.

— Что ты сказала?

— Может, нам стоит разойтись? — четче повторила Эстер. — Что ты смотришь на меня? Ты делаешь, что хочешь, а я хочу

заниматься другим. Может быть, смысл в том, чтобы следовать за своими желаниями или, например, интуицией? Может быть, хватит этих тарелок и бесполезных занятий? Я устала, — с придыханием заключила Эстер и повернулась к мужу, чтобы увидеть его реакцию.

Женщины. Даже когда кажется, что все их приемы изучены, они переписывают правила на ходу. По правде говоря, Эстер застала Джека врасплох и нимало не волновалась по этому поводу.

Теперь Джеку было впору задуматься о способности жены к глубокой чувствительности, но он сконцентрировался на своих мыслях: «Она говорит серьезно или нет? Что ее заставило сказать это именно сейчас? Может быть, Эстер завела любовника? Нет, абсурд». Джек рассеянно помотал головой из стороны в сторону, пытаясь разобраться с положением дел, принявшим неожиданный оборот. И все же Джек решил спросить напрямую, без обиняков:

— Ты серьезно? Хочешь от меня уйти?

— Вполне, — спокойно ответила Эстер, зародив в Джеке сомнение.

Все поистине болезненные вещи Эстер озвучивала громко и эмоционально. За год совместной жизни Джек хорошо изучил методы боя жены, чтобы слепо не доверять словам, которыми Эстер мастерски оперировала, чтобы сознательно задеть мужа в семейных ссорах.

Джека окутало теплое спокойствие. На смену тревоге и испугу пришло понимание — жена выражает протест против его невнимательности. Стоит ему обнять Эстер — и все пройдет, обиды забудутся, она успокоится.

Эстер позволила молчанию затянуться. Она ждала комментариев от мужа, но Джек не спешил с пояснениями. От этого Эстер пришла в бешенство.

— Почему ты молчишь? — искренне возмутилась она, не стараясь побороть волну накатывающего гнева.

Ровена Бергман

Эстер округлила большие черные глаза, которые уже метали молнии, и если бы она могла вырабатывать темпераментом электричество, то ее энергии сейчас хватило бы на обеспечение электроэнергией во всем доме.

— Что ты хочешь от меня услышать? — тихо спросил Джек. Он не старался раздражить жену еще больше и даже не догадывался, что своим спокойствием усугубляет ситуацию.

— Ничего. Ничего я не хочу от тебя услышать. Завтра я соберу вещи и перееду в другую квартиру. Я все сказала, — заключила Эстер, заведомо зная, что ничего конструктивного от Джека не дождется. Слишком много раз в их жизни происходили ситуации, когда Эстер пыталась вывести Джека на откровенный разговор, но он лишь отмалчивался в ответ.

Эстер круго развернулась и, оставив Джека наедине с самим собой, ушла в ванную, чтобы поскорее смыть с себя не задавшийся с самого утра день.

Горячие струи, плавно стекающие по телу, приятно покалывали. Эстер прислонилась к стенке ванной, выложенной молочной кафельной плиткой. Между пористыми от старости швами в некоторых местах проглядывала черная плесень, с которой Эстер яростно боролась все время пребывания в доме, но успех был временным. Эстер, вспомнив об этом, брезгливо отпрянула от стены, чтобы ни в коем случае не коснуться кожей пораженных плесенью участков.

Как и о чем говорить с мужем, если он ее не понимает, а может, и не хочет понять? Джек может спасти ситуацию несколькими словами, произнесенными в нужный момент, но игнорирует эту возможность.

Эстер вылила шампунь на ладонь и мягкими движениями принялась втирать его в кожу головы. Маленькое помещение наполнилось нежным пудровым запахом. Сквозь закрытые глаза Эстер улавливала горение лампочки над зеркалом — она находилась в ванной одна.

С утра, когда едва заметный свет пробивался сквозь жалюзи, Эстер услышала звук закрывающейся двери. Это Джек ушел на работу, оставив Эстер размышлять в одиночестве. Если бы он только постарался вчера заговорить с женой, все могло выйти иначе, но Джек предпочел притвориться спящим, когда Эстер вернулась из душа. Вопросы, требовавшие объяснений, тяжело повисли в сознании Эстер, и тем страшнее для Джека были ее дальнейшие действия — она принялась придумывать объяснения самостоятельно.

У фантазии нет границ, поэтому уже к вечеру мысленный диалог с мужем, состоявшийся в голове Эстер, перешел в хамство со стороны Джека, и реакция, с которой Эстер его встретила, намекала, что назревает очередной конфликт. Эстер сидела на диване и отсутствующим взглядом смотрела в телевизор. Она не повернула головы, когда Джек вошел в дом.

— Что случилось? — озадаченно спросил он. Эстер надменно посмотрела на мужа. В ее взгляде было раздражение, непонимание и даже обида. Если насчет обиды Джек мог только догадываться, то насчет раздражения был уверен вполне.

— Ничего, — холодно отрезала Эстер и встала с дивана, чтобы разогреть Джеку ужин.

— Тогда почему ты до сих пор не готова? Нам нужно ехать к Розе, она ждет нас.

Эстер поймала постылое имя на лету и едва заметно поморщилась.

— Я не поеду, — коротко отозвалась она, понизив голос.

— Это еще почему?

— Потому что я не хочу расстраиваться еще больше, чем сейчас.

— Я обещаю, это ненадолго. Час посидим в гостях, а потом поедем домой. Честно, милая, я не хочу ехать без тебя, — продолжил уговаривать Джек.

Джек бросил рабочую куртку на диван и подошел к жене, чтобы ее приласкать. Вчерашний разговор пара предпочла не

Ровена Бергман

вспоминать — Джек боялся подтвердить страшные опасения, а Эстер считала, что погорячилась с угрозой. Наверное, она еще не дошла до стадии, когда желание перемен становится настолько невыносимым, что перестают пугать любые трудности.

Эстер грустно улыбнулась.

— Едешь? Мама тоже будет. И племянники, — сказал Джек, продолжая придумывать хоть сколько-нибудь привлекательные обстоятельства.

Эстер хотела упереться, как строптивая кошка, придумать любую отговорку, лишь бы не соглашаться на эту малоприятную поездку. Но все ее силы ушли на беспокойство и построение теоретических ситуаций, из которых ей придется выпутываться с боем. Целый день она успокаивала разгоряченную фантазию, поэтому сил сопротивляться у нее не осталось, и она молчаливо кивнула в знак согласия.

— Спасибо, милая. Обещаю, это будет приятный вечер.

Эстер не потребовалось много времени, чтобы одеться. Она собрала волосы в гладкий хвост, сделала неброский макияж, надела одно из черных классических платьев, а потом помогла собраться мужу, так как считала, что вкус в их семье присущ в большей мере ей, чем Джеку. Джек никогда не пытался с этим спорить, тем более что это было чистой правдой. Эстер до сих пор помнила кулон, который Джек подарил ей на Рождество: подвеска с голубым топазом в вычурном обрамлении из серебра и россыпи полудрагоценных камней — в нем не было ничего ужасного на первый взгляд, но, как известно, дьявол кроется в мелочах, и как раз эти мелочи никак не сочетались одни с другими. Цепочка была грузной для тонкой шеи Эстер, а огромный камень выглядел вульгарно. Эстер было стыдно носить нелепое украшение, поэтому она запрятала его в шкапулку и больше никогда не доставала.

Эстер, стоя на пороге, быстрым взглядом еще раз окинула квартиру. Джек взял ее за руку и потянул на улицу. Эстер поддавалась — отступать некуда.

Ехали молча. Джек всегда предпочитал тишину пустой болтовне. Пустой болтовней Джек называл все, что не касалось дела: его бизнеса — строительства домов, семейных проблем, текущих вопросов. Все философские беседы он предпочитал сводить к однозначным ответам, таким как «да», «нет», «ты права, я считаю так же». С женой он спорить не любил, чаще соглашался со всем, о чем она говорила, но не потому, что разделял ее позицию, а скорее потому, что углубляться в споры и ругаться из-за второразрядных вопросов считал нецелесообразным. Эстер и так была крайне впечатлительна, и сознательно подливать масла в огонь Джек не пытался никогда. Она, как всякий человек с пытливым разумом, находилась в вечном поиске себя, истины, открытий, знаний и новых впечатлений. Эстер мало волновали вопросы насущного характера. Она часто пересматривала фильмылюбившихся ей режиссеров, анализировала характеры героев, давала оценку их поведению, старалась прочувствовать их эмоции. То же самое проделывала и с книгами. Эстер заботили идеи, не приносящие материального вознаграждения, которое можно потрогать здесь и сейчас. Она скрупулезно собирала наблюдения и опыт в «шкатулочку», чтобы когда-нибудь воспользоваться этим богатством во благо творчества. Джек был снисходителен к жене. Он был готов взвалить на себя все тяготы будничных проблем, лишь бы Эстер была счастлива, но она почему-то не была.

Эстер требовала от мужа большего — она старалась пробудить в Джеке интерес к искусству. Эстер тщетно таскала мужа по выставкам и музеям, кинотеатрам и театрам, балетам и операм. Она подталкивала Джека к дискуссии. Так Эстер силилась обрести с ним неразделимую дружескую связь, единомыслие, общие интересы, которые могли бы сплотить их. Но каждый

Ровена Бергман

раз ее попытки проваливались. Пара не только не становилась ближе, но напротив, Эстер больше утверждалась в мысли, что они с Джеком разные люди. Их общение напоминало секс, не доведенный до кульминации, — поднималась тема обсуждения, звучали какие-то слова, но все не те. Обычно после подобных разговоров Эстер оставалась опустошенной.

Джек не разделял любви жены к искусству, точнее, формально разделял, но Эстер знала наверняка: если она оставит Джека наедине с нудным, но гениальным фильмом, он никогда не досмотрит его до конца. После просмотра Эстер заводила диалог с мужем, чтобы понять направление его мысли, но Джек либо вторил ее словам, либо, если говорил о своем мнении, выражал его очень коротко и складно, так, что для последующего обсуждения не оставалось повода. Эстер, расстроенная масштабом неоправданных ожиданий, часто закрывала глаза и думала, что все, что происходит сейчас, происходит не с ней, а с кем-то другим. Кто-то другой живет ее жизнью, определенно не она.

По другую сторону баррикад находился Джек и его претензии к Эстер. Например, Джек ненавидел вспыльчивость жены больше, чем ее непостоянство и взбалмошность, хотя взбалмошность Джек воспринимал как неотъемлемую часть возраста Эстер. Ее выходки не сильно раздражали его, но больше утомляли. Все-таки в прошлом году Джеку стукнуло тридцать пять, а ей двадцать четыре. Он знал, каково это, быть молодым и горячим, хотеть чего-то, в чем сам не отдаешь себе отчета, бежать куда-то, где тебя не ждут, делать то, что хочется, а не то, что должно.

Джек понял еще при первом знакомстве с Эстер, что столкнется с трудностями, но сделал выбор и мужественно нес за него ответственность: он решил дождаться, когда Эстер наконец отбочится жизнью, затем и повзрослеет.

— Ты обещал мне — пара часов, потом мы вернемся домой, — напомнила Эстер, плотнее укутываясь в плащ. В руках она держала бутылку вина.

— Да. Милая, не переживай, — Джек расплылся в ободряющей улыбке и взял жену за руку.

Рука Эстер оказалась холодной и мокрой от волнения.

Машина завершила на знакомую улицу, вдоль усаженную скромными малиновыми барвинками и пышными разноцветными флоксами. Порывистый ветер терзал нежные цветы, клонил их к земле, но упругие стебли, полные сока и жизни, не могли сломаться. Вся их природа жаждала жить и радовать мир своей красотой. Солнце заволокли тяжелые серые тучи, легкая мгла повисла в воздухе. Она не обволакивала, но лишь смягчала силуэты пышно цветущих кустов камелий. Эстер кончиками пальцев прикоснулась к стеклу машины и подушечками почувствовала холод, растекающийся по телу.

После переезда Розы на новое место Эстер бывала здесь только раз, до того как в доме начался ремонт. На участке на первый взгляд ничего не изменилось. Все тот же полупустой сад, одинокие качели и газон с залысинами от колес машины — Роза не успела обустроить парковочное место.

Джек аккуратно припарковался. На улице он сделал глубокий вдох и потянулся, чтобы размять спину после относительно долгой поездки.

Эстер нехотя последовала за мужем к двери. Она оказалась незапертой — их ждали.

— Вы приехали! — воскликнула тут же появившаяся в гостиной Роза.

Эстер услышала радостный визг детей, которые побежали встречать дядю.

— Привет! — первым отозвался Джек, попутно стараясь заключить обеих малышей в объятия. — Вы читали книжку? Покажете какую?

Перед тем как зайти, Эстер натянула на лицо естественную доброжелательную улыбку, но все нутро ее было напряжено и готово при необходимости обороняться.

Ровена Бергман

— Привет! — сказала Эстер и вяло обняла Розу.

— Я долго вас ждала. Вы задержались, — игриво укорила она, тряхнув пепельными волосами.

Назвать Розу неприятным человеком было бы несправедливо. Она умело управлялась с домашними обязанностями, воспитывала двоих детей, имела широкий круг друзей, а значит, и людей, которым она безоговорочно нравилась, также Роза с энтузиазмом добивалась поставленных целей. Эстер редко встречала ее в подавленном настроении.

Отношения этих вынужденно породнившихся женщин могли быть теплее, если бы не полная их несовместимость. С одной стороны Эстер — надменная, тщеславная, мечтательная, привередливая, с другой — сильная, грубая, целеустремленная, волевая Роза. Их общение непременно превращалось в противостояние. Борьба шла за мнимую правду, которая всегда ускользала и видоизменялась. Ни та, ни другая не хотела уступить. Роза выказывала пренебрежение к интересам Эстер, а та в ответ снисходительно улыбалась. Но и в этой улыбке было что-то колкое и насмешливое.

Всякая правда имеет право на существование при условии, что эта правда никогда не будет озвучена. Перед Эстер и Розой стояла задача — держать нелицеприятные мысли друг о друге при себе, но и эта миссия была для них трудновыполнимой.

Узкое лицо Розы украшали выразительные глаза, широко распахнутые и даже немного наивные. Наивными они становились, когда Роза выпивала чуть больше вина, чем обычно позволяют себе за ужином. Узкие губы, готовые съязвить в любую минуту, были примечательны, так как больше всего объясняли ее характер. В момент гнева Роза поджимала их сильнее, и тогда они превращались в несколько плоских черточек. Ее внешность не была холодной или отталкивающей, скорее наоборот, притягательной. Но это был один из несправедливых случаев, когда красота не могла компенсировать недостатки несносного характера.